

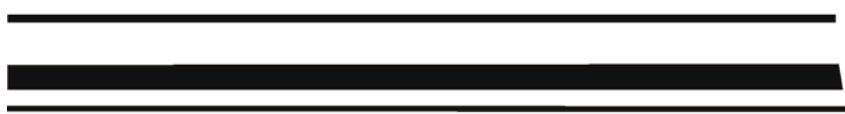
ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2009
XVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
537
EXPRESS-ISSUE**

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XVIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2009 № 537

СОДЕРЖАНИЕ

- 2295-2298 К экологии садовой камышевки
Acrocephalus dumetorum
на Западном Алтае. Б. В. ЩЕРБАКОВ
- 2298-2312 Территориальное распределение синиц
Parus spp. и поползней *Sitta europaea*:
экспериментальное исследование методом
перемещаемой кормушки. А. В. БАРДИН
- 2313-2314 Новое нахождение среднего поморника
Stercorarius pomarinus в Узбекистане.
М. Г. МИТРОПОЛЬСКИЙ,
А. Г. СОРОКИН
- 2315 Интересный случай с мохноногим сычом
Aegolius funereus. Ж. В. ПШЕНИЧНЕР
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVIII

Express-issue

2009 № 537

CONTENTS

- 2295-2298 To ecology of the Blyth's reed warbler
Acrocephalus dumetorum in Western Altai.
B. V. SHCHERBAKOV
- 2298-2312 Territorial distribution of tits *Parus* spp.
and nuthatches *Sitta europaea*: experimental
study by the moving feeder method.
A. V. BARDIN
- 2313-2314 The record of the pomarina skua
Stercorarius pomarinus in Uzbekistan.
M. G. MITROPOLSKY, A. G. SOROKIN
- 2315 An interesting incident with a Tengmalm's owl
Aegolius funereus. Zh. V. PSHENICHNER
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
S. Petersburg 199034 Russia

К экологии садовой камышевки *Acrocephalus dumetorum* на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Союз охраны птиц Казахстана, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221,
г. Усть-Каменогорск, 492024, Казахстан. E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 6 декабря 2009

Садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum* – обычный гнездящийся вид степной и горно-лесной частей Западного Алтая. В литературе приводится для окрестностей Усть-Каменогорска, у Шемонаихи и Лениногорска (Поляков 1915; Сушкин 1938; Кузьмина 1948, 1953; Ковшарь 1972). На западной степной окраине Алтая населяет преимущественно сырые кустарниковые луга или древесно-кустарниковые заросли у воды. В горно-лесной части обычна по высокотравным опушкам, зарастающим гарям и старым вырубкам, также вблизи ручьёв или речек. М.А.Кузьмина (1953) и А.Ф.Ковшарь (1972) указывают её на гнездовании на Алтае до верхней границы хорошо развитого подлеска (1500-1700 м н.у.м.). Нами установлено, что она в своём вертикальном распространении доходит до верхней границы леса, а местами проникает в пояс альпийского криволесья в заросли карликовой берёзки и стлаников (1900-2000 м).

Весенний прилёт в Усть-Каменогорске отмечен 22 мая 1962 и 24 мая 1973. В 1975 садовые камышевки появились сразу в «большом» количестве 21 мая. В селе Берёзовка на Иртыше их появление регистрировалось 10 мая 1973 и 19 мая 1974 (Березовиков и др. 2007), а в отрогах Убинского хребта между сёлами Зимовьё и Бобровка (500-600 м н.у.м.) – 20 мая 1973. Довольно многочисленными они были 27 мая 1971 в предгорьях Ульбинского хребта у посёлка Алтайская бухта, расположенного на берегу Бухтарминского водохранилища. Вскоре после прилёта камышевки образуют пары; самцы занимают гнездовые участки, много и азартно поют. У самца, добытого 11 июня 1971 в долине реки Малая Ульба у села Горная Ульбинка, семенники достигали 6×5 и 5×5 мм.

Садовая камышевка – прекрасный имитатор. Среди заимствованных голосов других птиц назовём тревожные крики ласточки-касатки *Hirundo rustica* и скворца *Sturnus vulgaris*, выразительные строфы из пения соловьёв *Luscinia luscinia*, а именно – «юрок-юрок..», чириканье полевого воробья *Passer montanus*, позывной голос пухляка *Parus montanus*, посвисты перевозчика *Actitis hypoleucos* и крик обыкновенной пустельги *Falco tinnunculus*. Примечательно, что во время мигра-

ции садовые камышевки, пролетающие поймой Иртыша около Усть-Каменогорска, красноречиво «рассказывают» из каких мест они. Это узнаётся по голосам тех птиц, где они гнездятся. Например, если они из лесной зоны и высокогорья, то в их песне можно слышать голоса соловья-красношейки *Luscinia calliope*, черногорлой завирушки *Prunella atrogularis*, пухляка. Если их соседями были обитатели степных озёр, то они передают крики куликов и трескучие песни дроздовидной камышевки *Acrocephalus arundinaceus* и др.

В пойме Иртыша около Усть-Каменогорска гнёзда садовой камышевки найдены в следующие сроки: 5 июля 1964 – с 4 яйцами, 24 июля 1960 – с 3 насиженными яйцами; 8 июня 1962 – кладка с 5 свежими яйцами. У села Поперечное в долине Белой Убы 5 августа 1947 в гнезде был только что вылупившийся птенец и 2 яйца с мёртвыми зародышами, а 17 июня 1947 у подножья горы Голухи добыта самка с хорошо развитым наседным пятном (Кузьмина 1953). В долине реки Убы у села Убинское 19 июня 1974 найдены 2 гнезда: одно располагалось в густых зарослях кустарников в кусте жимолости татарской на высоте 50 см, а другое, законченное, но ещё пустое, среди стеблей травы в 30 см от земли. Первое содержало 4 яйца весом 1.75, 1.7, 1.5 и 1.7 г. В этом же гнезде 20 июня находилось 2 вылупившихся птенца, ещё не успевших обсохнуть. Их масса составляла 1.6 и 1.5 г. Оба гнезда были построены из тонких веточек кустарников, лотки выстланы тонкими жилками листьев. Размеры этих гнёзд, см: высота 7 и 7.5, наружный диаметр 11-11.5; диаметр лотка 6 и 6.7, его глубина 4 и 4.

На западном склоне хребта Холзун (1600-1700 м) в верховьях Чёрной Убы 30 июня 1973 в разреженном высокотравном елово-пихтовом лесу на кустах жимолости алтайской найдены 2 гнезда, наружный слой которых состоял из стеблей травы, листьев злаков и осок; а лотки были выстланы шерстью марала *Cervus elaphus sibiricus*. Размеры, см: высота 8 и 9, наружный диаметр 10.5 и 10.5; диаметр лотка 5 и 5; глубина лотка 4 и 5. В одном было 6 сильно насиженных яиц (вес 1.5, 1.7, 1.6; 1.5, 1.5, 1.5 г), в другом – 4 однодневных птенца весом 1.4; 1.5, 1.5, 1.5 г и одно яйцо весом 1.5 г.

Слётки садовой камышевки в окрестностях Усть-Каменогорска отмечены 24 июня 1962 и 6 июля 1967 (Ковшарь 1972). У села Восьмое Марта на реке Уба 15 июля 1967 у встреченных молодых камышевок хвосты были чуть короче дефинитивной длины, а родители продолжали их подкармливать. На заболоченных лугах у Лениногорска 28 июня 1972 наблюдались 4 семьи камышевок, в которых взрослые носили корм слёткам. Самостоятельных молодых отмечали 2 июля 1971 в пойме Убы у села Верх-Уба. На горях и опушках в верховьях речки Палевой на северном склоне Ивановского хребта (1200-1900 м) 27 июля 1973 держались самостоятельные, но ещё не распавшиеся выводки.

Таких молодых на Ивановском хребте в долине Белой Убы встречали 31 июля 1971, 4-8 августа 1972 и 27 июля 1973. В это время молодые камышевки совершают локальные кочёвки в неустойчивых агрегациях совместно с другими насекомоядными птицами, придерживаясь определённых мест у водоёмов. Смешанные сообщества в лесном поясе состоят из теньковок *Phylloscopus collybita*, зелёных пеночек *Ph. trochiloides*, черногорлых завирушек *Prunella atrogularis*, серых славок *Sylvia communis*, пухляков *Parus montanus* и садовых камышевок. Птицы совместно купаются и совершают игры, выражающиеся в преследовании друг друга. Вероятно, в это время у них проходит и линька, так как добытая камышевка в это время в верховья Палевой (1700 м) была в свежем оперении. Следы линьки на голове в это время отмечены и у полностью перелинявшей взрослой самки, здесь же добытой.

Осенний отлёт садовых камышевок начинается в августе и заканчивается к середине сентября. В гнездовых стациях этого вида у кордона Босяково у северного подножия Ивановского хребта (1200 м н.у.м.) 2 августа 1973 на маршруте протяженностью более 10 км не было встречено ни одной камышевки, а 3 августа – лишь одна. В окрестностях Усть-Каменогорска и в его парковых зонах массовый пролёт наблюдался 10 августа 1973 и 17 августа 1971. В это же время по горным ущельям и логом в западных отрогах Ульбинского хребта садовые камышевки были самыми многочисленными птицами: на 1 км² здесь приходилось до 320 особей. Примерно в такой же стаии они были многочисленными 14-16 августа 1973 по реке Убе между сёлами Усть-Таловка и Убинское. В конце августа численность камышевок заметно падает. Так, 30 августа 1972 у устья речки Палевой (1100 м) встречено только 3 особи и 2 одиночных – 3 сентября по речке Седяшихе на северных склонах Линейского хребта (1700 м). У села Столбоуха 6 сентября 1971 по прирусловым зарослям речки Столбоушки встречено 2 камышевки. Между сёлами Бобровка и Тарханка по реке Ульбе и в отрогах Ульбинского хребта 12 сентября 1971 встречена одиночка. Одиночные камышевки отмечены были 17 сентября 1970 в окрестностях Лениногорска. Наиболее поздние встречи садовых камышевок регистрировались с 25 сентября по 1 октября 1970 в окрестностях Усть-Каменогорска.

Литература

- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В., Егоров В.А. 2007. Воробьиные птицы поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 2 // *Рус. орнитол. журн.* 16 (372): 1063-1094.
- Ковшарь А.Ф. 1972. Род Камышевка – *Acrocephalus* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 4: 75-123.
- Кузьмина М.А. 1948. Материалы по авифауне предгорий Западного Алтая // *Изв. АН КазССР. Сер. зоол.* 7: 84-84-106.

- Кузьмина М.А. 1953. Материалы по птицам Западного Алтая // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* 2: 80-104.
- Поляков Г.И. 1915. Орнитологические сборы А.П.Велижанина в бассейне Верхнего Иртыша // *Орнитол. вестн.* Прил. 3/4: 1-136.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии.* М.; Л., 2: 1-436.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 537: 2298-2312

Территориальное распределение синиц *Parus* spp. и поползней *Sitta europaea*: экспериментальное исследование методом перемещаемой кормушки

А.В.Бардин

*Второе издание. Первая публикация в 1988**

Хотя уже первые работы с применением кольцевания указывали на оседлость синиц (Гроте 1916; Butts Промптов, Лукина 1937; Odum 1941-1942; Wallace 1941), до сих пор не изжито основанное на поверхностных наблюдениях мнение, что синицы и поползни всю осень и зиму проводят в широких кочёвках.

В начале 1960-х годов, когда последняя точка зрения господствовала в отечественной литературе, К.А. и Е.К.Вилкс (1964) провели серию остроумных опытов с перемещением кормушек. До этого они показали следующее: 1) кормушки в лесах не собирают много синиц и поползней; 2) количество птиц не возрастает с увеличением продолжительности прикормки и составляет 5-20 особей; 3) контингент посещающих кормушку птиц остаётся почти неизменным на протяжении осени и зимы; 4) все последующие встречи окольцованных взрослых птиц находятся в радиусе, не превышающем 500 м (Вилкс, Вилкс 1961)[†]. На основании указанных фактов авторы пришли к выводу, что основная часть населения синиц и поползней оседла. Находки же особей вдали от места кольцевания свидетельствуют о дисперсии молодых и частичной перелётности и отнюдь не подтверждают существования непрерывных кочёвок. Опыты с постепенным перемещением

* Бардин А.В. 1988. Территориальное распределение синиц и поползней: экспериментальное исследование методом перемещаемой кормушки // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 182: 5-19.

[†] Аналогичные результаты получены ещё в конце 1920-х годов для североамериканской *Parus atricapillus* (Butts 1931).

кормушек показали, что синицы и поползни не идут за богатым источником корма неограниченно долго, как можно было ожидать исходя из представлений о кочевом образе жизни этих птиц и ведущей роли кормового фактора в их пространственном распределении. 85% особей следовали за кормушками не далее 500 м. Эксперименты убедительно продемонстрировали сильную привязанность птиц к своим участкам обитания и устойчивость пространственной структуры населения. С помощью источника легкодоступного и неограниченного корма разрушить территориальные связи не удалось.

Повторение этих экспериментов не только подтвердило сделанные К.А. и Е.К.Вилкс выводы (Бардин 1975а,в, 1983а; Д.В.Карелин, устн. сообщ.), но и показало, что наблюдения за индивидуально мечеными особями на перемещаемых кормушках – удобный метод количественной оценки территориального распределения и характера агрегированности птиц. Кроме того, такая кормушка – хорошая арена для наблюдений над социальными контактами, отношениями доминирования-подчинения и их зависимостью от местоположения особей. В частности, в опытах чётко прослеживается смена порядка доминирования при переходе с одной территории стаи на соседнюю (Бардин 1975в).

В данной работе анализируются результаты измерения двух параметров в опытах с перемещаемыми кормушками: 1) длины отрезков пути, на протяжении которых особи следуют за кормушкой и 2) количества птиц, зарегистрированных в каждом пункте.

Район исследования, материал и методика

Работу проводили в окрестностях г. Печоры Псковской области, на границе южной подзоны тайги и хвойно-широколиственных лесов. Эксперименты выполнены на участках смешанного, елового черничного и зеленомошного, соснового зеленомошного и беломошного лесов, растущих на изрезанной сетью ручьёв и речек холмисто-моренной равнине. В древостое преобладают сосна *Pinus sylvestris*, ель *Picea abies*, осина *Populus tremula*, берёзы *Betula pendula* и *B. pubescens*; в подлеске – можжевельник *Juniperus communis*, ольха серая *Alnus incana*, крушина ломкая *Frangula alnus*, ивы (*Salix aurita*, *S. caprea*, *S. cinerea*).

В своих опытах К.А. и Е.К.Вилкс (1964) использовали ряд из 12-15 кормовых ящиков. Движение ряда осуществляли поочерёдным переносом кормушек из арьергардного положения в авангардное. В данной работе для удобства наблюдения применяли одиночную кормушку. В период опыта в ней постоянно была пища – семена подсолнечника. Кормушку передвигали короткими переносами на 5-20 м. После каждого птицам позволяли брать корм. Синицы и поползни быстро привыкали к движению кормушки и находили её сразу после установки на новом месте. За один день кормушку перемещали на 30-300 м, в среднем на 90 м. Дальность дневного переноса зависела от появления новых птиц. Работу вели в режиме: день – перемещение, день – наблюдения из укрытия за посещающими её птицами, их отлов и мечение. Ловлю проводили бойком, захлопывая его вручную с помощью длинной лески. Это позволяло выборочно отлавливать новых особей, не тревожа уже помеченых. Последние, безбоязненно летая за кормом, хорошо привлекали

остальных. Всех птиц кольцевали стандартными алюминиевыми кольцами и индивидуально метили, окрашивая участки оперения в разные цвета.

По топографическим условиям местности путь кормушки редко представлял собой прямую линию, однако длину отрезка пути, на протяжении которой одна особь следовала за кормушкой, всегда измеряли как расстояние по прямой между начальной и конечной точками.

Эксперименты проводили в сентябре-январе 1970-1971, 1973-1974, 1976-1977 и 1980-1981 годов. Общая протяжённость пути кормушек составила 8 км. В опытах приняла участие 281 особь 6 видов: 26 поползней *Sitta europaea*, 4 болотных гаички *Parus palustris*, 8 москочек *P. ater*, больших синиц *P. major*, 108 пухляков *P. montanus* и 86 хохлатых синиц *P. cristatus*.

Результаты

Из 281 птицы 6 видов ни одна не следовала за кормушкой на всём протяжении её пути: 53% особей не шли дальше 300 м, 76% – 400 м, 87% – 500 м, 95% – 600 м.

На рисунках 1-3 представлены кумуляты распределения длины пути следования за кормушкой для каждого вида. Среднее значение этой величины составило, м: для поползня 379 м ($S.D. = 145$), для большой синицы 252 (109), для хохлатой 272 (202) и для пухляка 277 (160). По болотной гаичке и москочке данные малочисленны: для первого вида 160, 160, 380, 500 м, для второго – 210, 480, 480, 530, 540, 540, 540, 550 м.

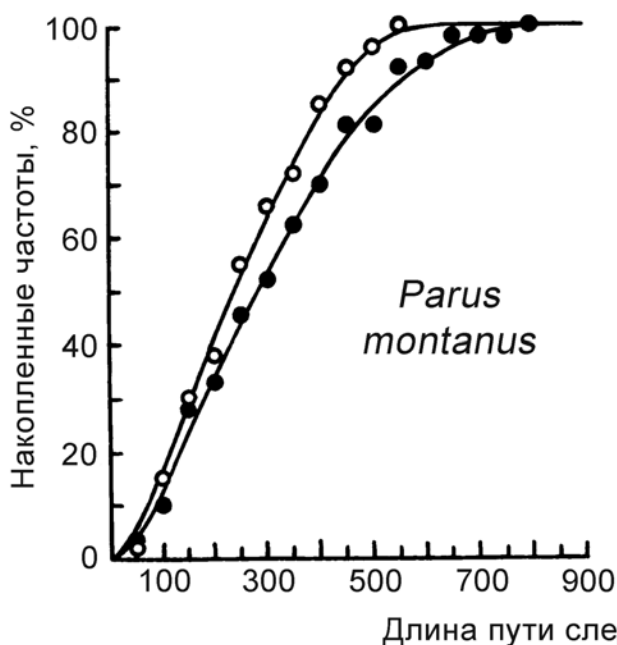

Рис. 1. Кумуляты распределений длины пути следования за кормушкой у взрослых (светлые кружки, $n = 47$) и молодых (тёмные кружки, $n = 60$) пухляков *Parus montanus*.

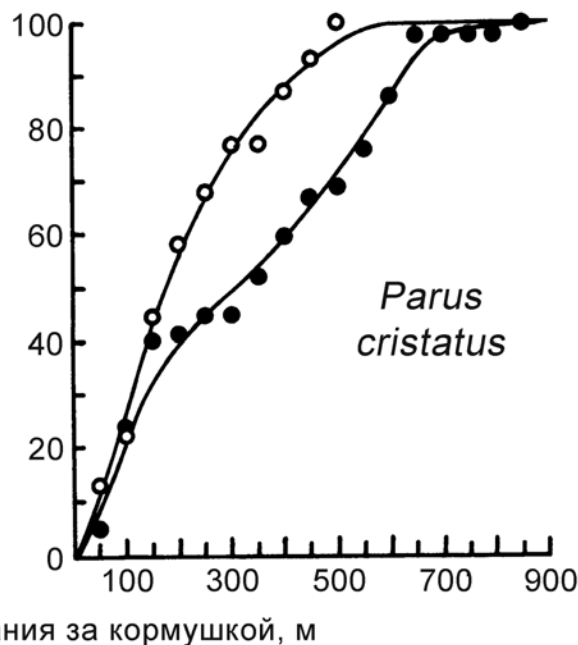

Рис. 2. Кумуляты распределений длины пути следования за кормушкой у взрослых (светлые кружки, $n = 31$) и молодых (тёмные кружки, $n = 42$) хохлатых синиц *Parus cristatus*.

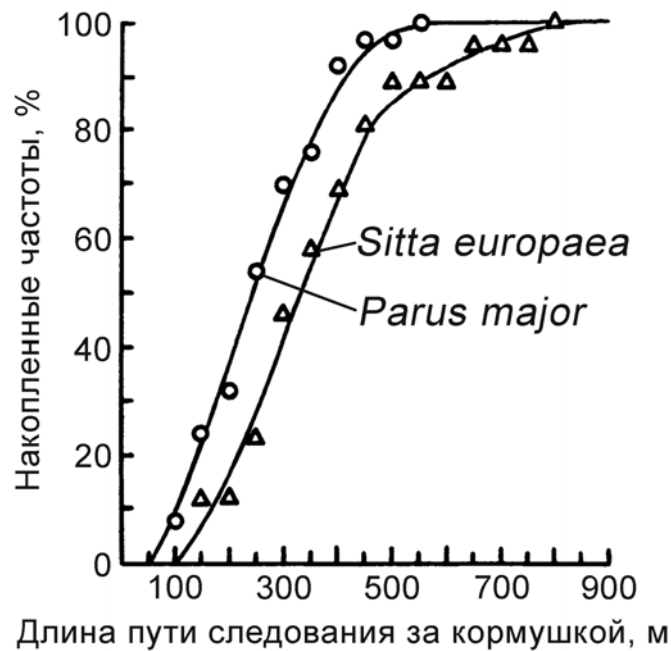

Рис. 3. Кумуляты распределений длины пути следования за кормушкой у больших синиц *Parus major* (кружки, $n = 37$) и поползней *Sitta europaea* (треугольники, $n = 26$).

Степень значимости различий между видами по длине пути следования за кормушкой дана в таблице 1. В таблице 2 представлена вероятность существования возрастных различий по рассматриваемому параметру. Эти различия значимы ($P < 0.05$) только у хохлатой синицы. Однако все случаи дальних перемещений вслед за прикормкой относятся к особям на первом году жизни. Рекордные значения составили 780 м у поползня, 500 м у болотной гайчки, 550 м у московки, 530 м у большой синицы, 800 м у пухляка и 820 м у хохлатой синицы.

Таблица 1. Значимость различий (вероятность нулевой гипотезы) между видами по длине пути следования за кормушкой. Двусторонний критерий Колмогорова-Смирнова

Вид	Вид			
	1	2	3	4
1. <i>Sitta europaea</i>	—	0.107	0.088	0.013
2. <i>Parus major</i>		—	0.544	1.000
3. <i>Parus montanus</i>			—	0.407
4. <i>Parus cristatus</i>				—
Количество особей	26	49	108	86

В большинстве случаев группа посещающих кормушку синиц разных видов следовала за ней до появления группы новых. После этого первая группа быстро отставала, а вторая начинала сопровождать кормушку. В двух случаях синицы прекращали двигаться за кормуш-

кой, хотя новые птицы не появились. Поползни могли сопровождать кормушку, последовательно участвуя в двух и даже трёх (1 случай) группах синиц, однако сразу отставали при появлении новой пары своего вида. В 5 случаях такая ситуация отмечалась у москочков.

Таблица 2. Значимость возрастных различий в длине пути следования за кормушкой. Двусторонний критерий Колмогорова-Смирнова

Вид	Количество птиц с известным возрастом		Вероятность нулевой гипотезы
	Взрослые	Молодые	
<i>Sitta europaea</i>	6	20	0.450
<i>Parus major</i>	19	18	0.627
<i>Parus montanus</i>	47	60	0.577
<i>Parus cristatus</i>	31	42	0.049

Путь кормушек частично пролегал по территории, где велось многолетнее кольцевание синиц и поползней. Расположение их участков обитания и индивидуальный состав смешанных стай были известны. Проведённые здесь наблюдения показали, что пухляки и хохлатые синицы наиболее активно посещали кормушку, пока она проходила по центральной зоне их участка обитания и той части зоны перекрытия с участками соседей, где они доминировали над последними. За это время птицы успевали сделать довольно большие запасы пищи с прикормки. Так, по данным подсчёта в конце октября 1970 года, пара взрослых хохлатых синиц прятала ежедневно по 1050-1180 семян подсолнечника (т.е. 63-70 г в расчёте на сухие семена без кожуры). Когда кормушка входила в зону доминирования соседней группы, взрослые особи летали на неё реже и чаще кормились сделанными ранее запасами по сравнению с молодыми. Возможно, это связано с тем, что молодые нетерриториальные особи и на участке обитания своей стаи находятся в субдоминантном положении (Бардин 1975а, 1983а; Nogstad 1987), поэтому они не испытывают столь контрастного снижения скорости добывания корма, оказавшись в положении третируемых на чужом участке, как это происходит с территориальными особями.

Если кормушка не пересекала центральную часть участка обитания группы, а проходила в пограничной зоне соседнего, члены группы могли периодически посещать кормушку. При этом на чужие участки чаще наведывались молодые птицы. Поскольку хозяева участка гоняли их с кормушки, они не находились здесь подолгу. В результате такие птицы регистрировались лишь в 1-3 пунктах. Это непропорционально увеличивало долю особей, у которых «путь следования» был меньше 100 м.

Все дальние – более 600 м – перемещения птиц за кормушкой были связаны со сменой участка обитания, которая могла быть обратимой и необратимой.

В первом случае молодая нетерриториальная особь просто посещала несколько социальных групп своего вида и попеременно держалась на их участках. В окрестностях Печор подобные случаи отмечены у пухляка и хохлатой синицы, т.е. у наиболее массовых видов с наибольшей плотностью населения. Из числа подопытных птиц такая ситуация прослежена у молодой хохлатой синицы L25149. Эта самка появилась на исследуемой территории в начале июля 1973 года и образовала пару с молодым самцом L24298*. Молодая пара поселилась на участке обитания шестилетнего самца S470913 и трёхлетней самки S545244. Во второй половине августа молодой самец пропал. Молодая самка L25149 осталась жить на участке старых птиц. В октябре по этой территории проводили кормушку. Когда её переместили за пределы участка, взрослые особи сразу перестали посещать её. Однако молодая самка продолжала следовать за кормушкой на расстояние 820 м, попеременно присоединяясь ещё к 4 социальным группам своего вида. Когда дважды на 2 и 3 недели прекращали насыпать корм на кормушку, самка L25149 возвращалась на прежний участок. В период весенних передвижений, в феврале 1974 года, она исчезла и в районе исследований больше не отмечалась.

Необратимая смена участка всегда связана с занятием молодыми нетерриториальными птицами вакантного места территориальной особи на соседнем участке (Бардин 1975а,в, 1983а). Например, 21-30 января 1971 такой случай удалось наблюдать весьма подробно. Группа из трёх молодых пухляков шла за кормушкой 350 м. Когда два из них отстали, за кормушкой продолжал ещё 450 м двигаться молодой самец S545387. Этот участок пути проходил по территории обитания трёхлетней самки S470936, овдовевшей в декабре. На этом участке поведение молодого самца резко изменилось. Он стал часто петь булькающую песню, доминировал над живущими здесь другими молодыми пухляками. В течение нескольких дней он утвердился в ранге территориальной птицы, образовав с самкой S470936, и гнезвился здесь с ней в последующие годы.

Аналогичная история произошла с уже упоминавшейся самкой хохлатой синицы S545244. После дисперсии она поселилась на территории одной из взрослых пар в июле 1970 года и образовала пару с молодым самцом S545242. Соседний участок занимал трёхлетний самец

* У хохлатой синицы большинство молодых особей, переходя к оседлости после дисперсии, в возрасте 1.5-2 месяца образуют пары и поселяются на участках пар взрослых территориальных особей (Бардин 1975в, 1983а). Аналогично ведут себя пухляки, у которых на одной территории взрослой пары поселяются 1-2 пары молодых (Ekman, Askenmo 1984; Hogstad 1987).

S470913, овдовевший этим летом и образовавший пару с молодой самкой S545220. Последняя поселилась на его участке также в начале июля и сначала образовала пару с молодым самцом S545221. После того, как она заняла место территориальной самки, её бывший молодой партнёр прожил на этом участке всю зиму, а в конце февраля 1971 года переместился на 1.1 км, образовал пару с овдовевшей старой самкой и жил там до 1978 года. В январе 1971 года через оба участка перемещали кормушку. Молодая пара S545244 и S545242 посещала её только в пределах участка своей социальной группы. Когда кормушка была переведена на участок самца S470913, его новая молодая самка S545220 случайно погибла при отлове. Это случилось 24 января, а уже 29 января молодая самка S545244 наблюдалась вместе с самцом S470913 на его участке. Образовав с ним пару, она стала территориальной птицей и гнездилась на этой территории в последующие годы.

У поползня наблюдали лишь один случай смены участка в ходе эксперимента. Когда в январе 1981 года кормушка переходила с территории пары молодых поползней на территорию, где жил овдовевший взрослый самец, самка оставила своего молодого партнёра и переселилась на территорию старого самца.

Характерно, что опыты с перемещением кормушек довольно легко провоцируют смену участков в осенне-зимний сезон, хотя в естественных условиях занятие территориальных вакансий происходит чаще всего в конце февраля – начале марта. Это связано с тем, что птицы проводят зиму на тех территориях, где с лета запасали корм, поскольку запасы – основной источник корма в этот период. Перемещаемая кормушка с неограниченным количеством пищи позволяет переселиться на участок, где у особи нет своих запасов, и быстро создать там новые. Случаи смены участком обитания, связанные с занятием территориальных вакансий молодыми птицами, всё же довольно редки. В ходе опытов они наблюдались лишь у 5% особей. В целом синицы и поползни показали очень сильную привязанность к своим участкам обитания.

В отличие от поползней, пухляков, болотных гаичек, москочек и хохлатых синиц, значительная часть больших синиц покидает лесные массивы на зиму. В лесу остаются преимущественно взрослые и самцы. В декабре-январе среди отловленных в лесу больших синиц взрослые самцы составили 41%, взрослые самки 26%, молодые самцы 30%, молодые самки 3%. Для больших синиц также не получены данные, подтверждающие существование у них непрерывных кочёвок в зимний сезон. Результаты как многолетних наблюдений за мечеными особями, так и опытов с перемещением кормушек однозначно свидетельствуют о том, что оставшиеся на зиму в лесу большие синицы придерживаются определённых участков обитания. Для 9 участво-

вавших в экспериментах больших синиц известно, что они придерживались постоянных лесных участков более 2 лет. В то же время некоторые (возможно, многие) особи имеют не один, а два или более участков обитания и совершают между ними сезонные, аperiodические и даже суточные перемещения. Как правило, один участок расположен в лесу, другой – в населённом пункте. Например, самка S494857 на протяжении 4 лет сохраняла привязанность к постоянным лесному и зимовочному городскому участкам обитания, находившимся на расстоянии 3 км друг от друга. Зимой она держалась в городе, хотя продолжала регулярно появляться в лесу, обычно во время оттепелей. Она дважды участвовала в экспериментах в возрасте 1 и 4 года и посещала кормушку, только пока та проходила по её лесному участку. При этом она даже в ходе опытов наблюдалась на городском участке. Ещё два участника экспериментов, следовавших за кормушкой 100 м (взрослый самец) и 360 м (взрослая самка), наблюдались в период опыта на кормушке в Печорах на расстоянии соответственно 2.0 и 2.5 км. В городе они также ограничивали свои перемещения участками 300-400 м в диаметре.

Количество птиц, посещающих кормушку, представляет собой очень интересный показатель. Кормушку чаще всего посещают члены той смешанной стаи, на территории которой она находится. В пограничных зонах на кормушку могут летать птицы из 2 и даже 3 стай. Таким образом, данный показатель отражает количество птиц, которые потенциально могут использовать ресурсы данной лесной точки. При этом его медианное значение – характеристика одной смешанной стаи, поскольку на медиану слабо влияют редкие крайние значения, получаемые при случайных недоучётах или посещении кормушки двумя или тремя стаями.

Общее количество птиц рассматриваемых видов в одном пункте варьировало от 4 до 24, медиана 12, непараметрический доверительный интервал медианы при $P = 0.95$ – 11÷14 особей (рис. 4А). На рисунке 4Б представлены распределения количества особей для каждого вида, если он присутствовал на данном участке.

Три вида – поползень, москковка и болотная гаичка – встречались в смешанных стаях лишь парами или в одиночку. Все случаи, когда в одном пункте отмечали более 2 особей, имели место при посещении кормушки одновременно 2 стаями. Медиана количества птиц для каждого из этих видов составила 2 птицы, максимум – 4 птицы.

У пухляка, хохлатой и большой синиц в состав одной стаи могло входить более 2 особей. В одном пункте отмечали до 11 пухляков, 9 хохлатых синиц и 8 больших синиц. Медианное значение составило для большой синицы 2 особи, для пухляка и хохлатой синицы – 4 особи. Различия между первым и последними видами значимы (медиан-

ный критерий: большая синица и пухляк – $\chi^2 = 18.3$, $df = 1$, $P < 0.001$; большая и хохлатая синицы – $\chi^2 = 9.6$, $df = 1$, $P < 0.01$).

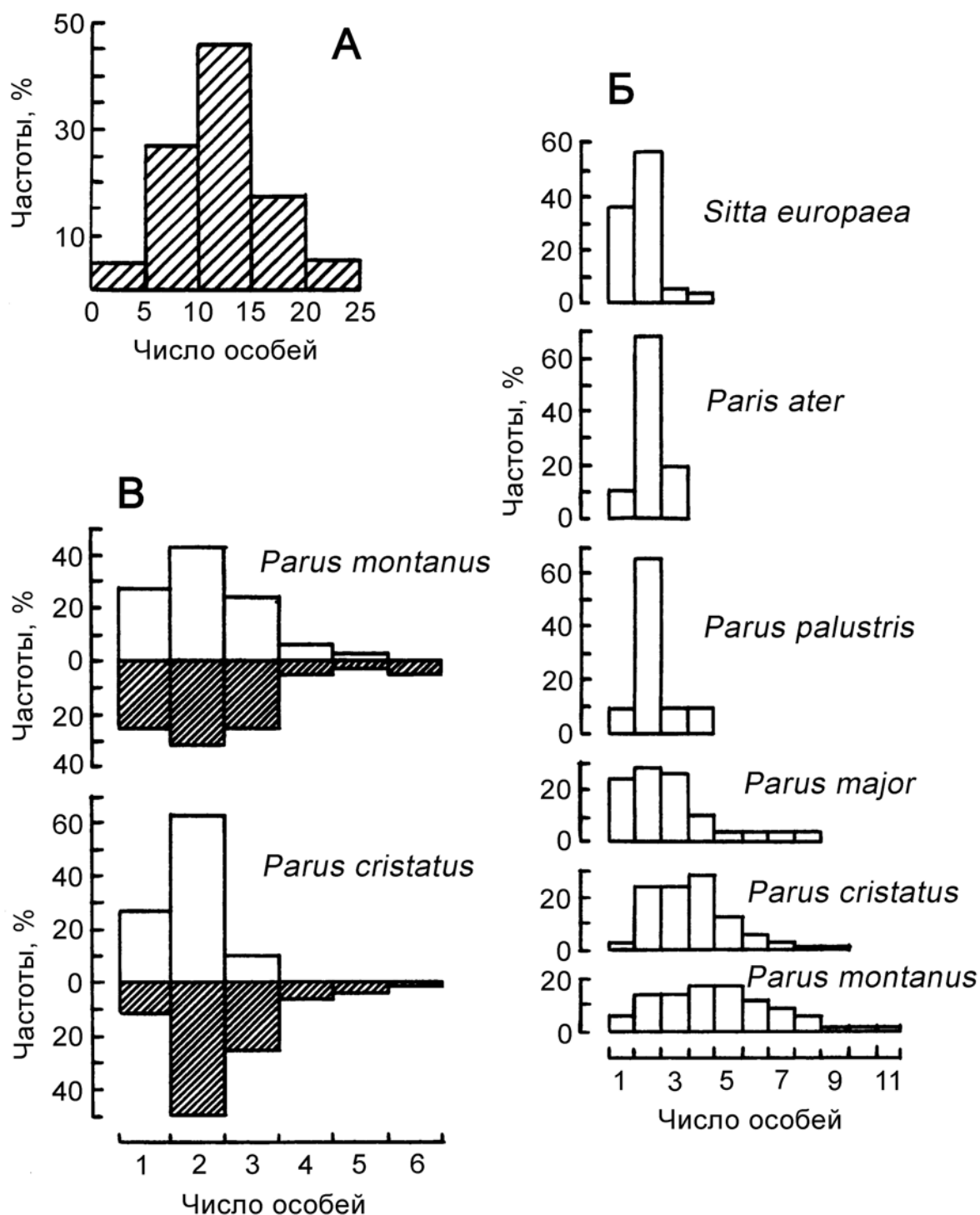

Рис. 4. Количество птиц в пунктах остановки кормушки:

А – распределение общего количества птиц, зарегистрированных в 87 пунктах;

Б – распределение количества особей каждого вида в пунктах, где данный вид присутствовал: 66 *Sitta europaea*, 28 *Parus ater*, 9 *Parus palustris*, 66 *Parus major*, 87 *Parus cristatus* и 87 *Parus montanus*;

В – распределения количества молодых (заштриховано) и взрослых особей *Parus montanus* и *Parus cristatus*, зарегистрированных в каждом из 87 пунктов.

Таблица 3. Анализ влияния видовой принадлежности и возраста на количество особей в одном пункте у *Parus montanus* и *Parus cristatus*. G-критерий (данные на рис. 4В)

Факторы и проверяемая гипотеза	df	G	P <
Вид – количество (независимость)	1	2.44	—
Вид – возраст (независимость)	1	4.66	0.01
Возраст – количество (независимость)	1	8.22	0.01
Вид – возраст – количество (взаимодействие)	1	5.13	0.05
Вид – возраст – количество (независимость)	4	20.45	0.001

На рисунке 4В даны распределения количества молодых и взрослых особей в одном пункте для пухляка и хохлатой синицы. Медиана показателя для каждого возрастного класса у обоих видов равна 2 особям. По сравнению со взрослыми, молодых значительно чаще было 3 или более (табл. 3). Соотношение взрослых и молодых у этих видов также значительно различается. У хохлатой синицы оно в среднем составило 1:1.3, у пухляка – 1:1.6. Эти значения весьма близки к соотношению возрастных классов в популяциях этих видов в осенне-зимний сезон (Бардин 1975в, 1986), однако доля молодых несколько завышена. Это объясняется тем, что молодые чаще взрослых залетают на участки обитания соседних стай.

Обсуждение

По данным 15-летних исследований в окрестностях города Печоры Псковской области, все пухляки, болотные гаички, хохлатые синицы, московки и поползни оседлы в осенне-зимний сезон. Взрослые территориальные особи образуют постоянные пары и всю жизнь проводят в пределах постоянных территорий. Площадь круглогодичных участков обитания составляет около 10 га у гаичек и хохлатой синицы и 25 га у поползня и московки (Бардин 1975а,в, 1981, 1983а). Для межвидовых территориальных отношений этих птиц характерно совмещение участков обитания социальных групп разных видов. Границы участков обитания пухляков, хохлатых синиц и болотных гаичек совпадают (Бардин 1975в, 1982, 1983а,б). Участки обитания пар поползней и москвовок включают в себя 2-4 территории групп первых видов (Бардин 1975в, 1981). По-видимому, согласованное с синицами пространственное распределение имеют также желтоголовые корольки *Regulus regulus* и пищухи *Certhia familiaris*. В результате образуются сообщества из нескольких видов оседлых птиц, объединяемые общностью территории обитания и сохраняющие постоянство состава на протяжении осени и зимы. Предложено называть эти сообщества федерациями, а входящие в него социальные группы отдельных видов – фратриями (Бардин 1983б). Члены федерации большую часть дневного

времени проводят вместе, образуя всем известные смешанные синичьи стаи*. Явление межвидовой совмещённости территорий описано также для пухляка и хохлатой синицы в Швеции (Ekman 1979), пухляка и сибирской гаички *Parus cinctus* в Мурманской области (Правосудов 1986, 1987).

Давно замечено, что установка в лесу кормушек не оказывает заметного влияния на пространственное распределение оседлых синиц и поползней. Стационарные кормушки не собирают вокруг себя больше птиц, чем живёт на данном участке (Butts 1931; Morley 1942, 1953; Вилкс, Вилкс 1961; Dixon 1963, 1965; Носков 1976; Røv 1979; и др.). Перемещаемые кормушки не уводят синиц и поползней с их участков обитания (Вилкс, Вилкс 1964). Результаты данной работы полностью подтверждают это. За немногими исключениями, связанными со сменной участка обитания молодыми особями, синицы и поползни посещали перемещаемую кормушку только в пределах своих постоянных территорий.

Как соотносятся измеряемая в экспериментах длина пути следования за кормушкой (h) и средняя величина участков обитания видов в данной местности? Путь кормушки пересекает участки птиц на случайном расстоянии от их центра. Допустим, что форма участков близка к круглой. Поскольку нас интересует не конкретные, а абстрактный «средний» участок, такое допущение вполне приемлемо. Легко доказать, что при многократном ($n \rightarrow \infty$) равномерном случайном пересечении круга прямыми ожидаемая средняя длина хорд (H) равна

$$H = \frac{\pi D}{4},$$

где D – диаметр. Примем среднее значение измеренных в опытах h в качестве оценки H . Тогда диаметр D и площадь S участка можно оценить, используя следующие формулы:

$$D = \frac{4H}{\pi}; S = \frac{4H^2}{\pi}.$$

Рассмотрим в качестве примера данные по пухляку и хохлатой синице как единственно достаточно многочисленные. Средняя величина h для этих видов составила, соответственно, 277 ± 16 м и 272 ± 24 м. Вычисляя по вышеприведённым формулам получаем, что средний диаметр участков обитания составляет 353 м у пухляка и 346 м у хохлатой синицы; площадь – 9.8 и 9.4 га. Результаты удовлетворительно соответствуют оценке 9.0 га – средней площади 10 многолетних территорий пухляков и хохлатых синиц, определённой методом выпуклого многоугольника, описывающего точки встреч (Бардин 1983а). Таким

* Ещё Л.Уинг (Wing 1946), описывая свои наблюдения за смешанными синичьими стаями в штате Айдахо, высказал предположение, что зимние участки обитания членов стаи должны совпадать.

образом, данный способ можно использовать для оценки средней величины участков обитания синиц и поползней в местности, для которой отсутствуют измерения с помощью более точных методов.

Анализ количества особей разных видов в каждом пункте остановки кормушки выявил два типичных состава фратрий. У поползней, москочек и болотных гаичек фратрию образует пара птиц (самец и самка). Эти виды немногочисленны на территории исследования и не образуют сплошного населения. Оседающие после ювенальной дисперсии молодые образуют пары между собой и поселяются на территориях федераций, где отсутствуют другие особи своего вида. У пухляков и хохлатых синиц фратрию образуют чаще всего 4 птицы: пара взрослых территориальных птиц и пара молодых, осевших после дисперсии. Население этих видов сплошное с плотностью в среднем 12 территориальных пар на 1 км² (Бардин 1975а, 1983а).

Одновременные начало и прекращение посещения перемещаемой кормушки сразу целыми группами синиц и поползней полностью согласуется с представлениями об общности зимнего участка обитания фратрий разных видов, входящих в одну федерацию (Бардин 1975в, 1983б; Екман 1979; Правосудов 1986, 1987). Смена участка обитания и переход особей в состав другой фратрии во всех случаях был связан с занятием молодой нетерриториальной птицей вакантного места территориальной особи на соседней территории. При этом достижение ранга территориальной птицы всегда происходило путём образования пары с овдовевшей старой территориальной птицей. Ни разу не отмечался случай, когда молодая нетерриториальная птица, следуя за кормушкой, переселялась на место исчезнувшей низкоранговой нетерриториальной особи. Молодые пухляки и хохлатые синицы меняли участок обитания и фратрию лишь при условии повышения в социальном ранге. Сходная картина наблюдалась в опытах по удалению отдельных особей из фратрий канадских пухляков *Parus atricapillus*. Высокранговые особи замещались в течение 1-2 суток, тогда как места молодых низкоранговых членов групп оставались незанятыми (Smith 1987).

Особого внимания заслуживают результаты, полученные по большой синице. Как известно, этому виду, по сравнению с рассмотренными выше, свойствен иной характер территориального поведения и его большая изменчивость (Носков 1976; Носков, Смирнов 1981). По мнению Г.А.Носкова, больших синиц отличает способность широко перемещаться зимой на значительной площади в поисках мест сосредоточения корма. Исходя из представлений о блуждающем типе территориального поведения этих синиц (Носков 1976), можно было ожидать, что они будут бесконечно долго следовать за обильным источником такого предпочитаемого ими корма, как семена подсолнечника. Од-

нако результаты экспериментов показали, что по отношению к перемещаемой кормушке большие синицы ведут себя точно так же, как и другие виды синиц и поползни: они посещают кормушку только в пределах чётко ограниченных участков обитания, верность которым некоторые особи сохраняли несколько лет. В то же время часть больших синиц даже в период опытов регулярно появлялась в городе, где также ограничивала свои перемещения участками 300-400 м в диаметре. Полученные факты заставляют признать, что территориальные связи больших синиц в зимний период более упорядочены, чем следует из концепции «бродяжничества». Перемещения птиц ограничены определёнными и постоянными зимой участками обитания. По крайней мере часть особей имеет два или более участков обитания, находящихся на расстоянии до нескольких километров, и совершает между ними сезонные, аperiodические и суточные перемещения. На территории между участками большие синицы, как правило, не наблюдаются, что свидетельствует о том, что перелёты с участка на участок совершаются быстро и целенаправленно. Для немногих окольцованных больших синиц известно, что они сохраняли верность лесному и городскому участкам в течение ряда лет.

Интересно, что если в городе кормушку зимой могут посещать более сотни больших синиц, то в лесу у кормушки их не собирается больше 10 особей. В опытах максимальное количество этих птиц в одном пункте составило 8 особей, мода и медиана – 2 особи. Чаще всего это были взрослые самец и самка или взрослый и молодой самцы. Результаты кольцевания показали, что в лесу зимой встречаются преимущественно местные большие синицы, тогда как зимующие мигранты из других регионов скапливаются в населённых пунктах. Держащиеся в лесу большие синицы входят в состав 1-2 федераций синиц и поползней и много времени проводят в компании с птицами других видов.

Большие синицы не запасают корм, однако для остающихся в лесу на зиму особей весьма важное значение в питании могут иметь запасы других синиц (Ulfstrand 1962; Бардин 1975б). Как показали недавние исследования, запасы эти весьма велики и превышают потребности создавших их особей. По данным В.В.Правосудова (1985), в Мурманской области один пухляк запасает за весну, лето и осень около 500 тысяч кормовых объектов, из них около 300 тыс. – семена сосны. Это составляет примерно 15 кг. Чтобы полгода прожить только на своих запасах, достаточно использовать из пятую часть. Определённое количество запасов оставляют после себя погибшие особи. Избыток спрятанного корма на участках обитания синиц открывает возможность паразитизма на этих запасах. Их используют большие синицы и такие виды, как желтоголовый королёк и пищуха. По нашим данным, в ле-

сах Псковской области в окрестностях Печор одна федерация поползней, пухляков, хохлатых синиц, москочек и болотных гаичек на своей территории (около 10 га) дисперсно размещает 100-200 кг спрятанного корма. На наш взгляд, потенциальная возможность воспользоваться частью этих запасов во многом объясняет возникновение склонности целого ряда видов присоединяться к смешанным синичьим стаям. Для зимующих в лесу больших синиц использование этого источника питания будет наиболее эффективным при распределении небольших групп особей по территориям федераций запасующих корм видов. Именно такая картина и наблюдается в зимнем лесу. Опыты с перемещением кормушек показали, что система территориального поведения больших синиц, обеспечивающая такое распределение и предотвращающая чрезмерную концентрацию особей на территории одной федерации, оказывается достаточно консервативной и не разрушается под влиянием искусственного источника легкодоступного и обильного корма.

Литература

- Бардин А.В. 1975а. Территориальное поведение скандинавского подвида буроголовой гаички (*Parus montanus borealis* Selis-Longchamps) // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 24-34.
- Бардин А.В. 1975б. Поведение синиц и поползней при запасании корма // *Вестн. Ленингр. ун-та* 15: 8-14.
- Бардин А.В. 1975в. *Сравнительное изучение жизненных циклов некоторых представителей рода Parus (Paridae, Aves)*. Автореф. дис. канд. биол. наук. Л.: 1-24.
- Бардин А.В. (1981) 2006. О территориальном поведении поползня *Sitta europaea* в Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **15** (306): 24-27.
- Бардин А.В. 1982. Структура смешанных синичьих стай // *18-й Междунар. орнитол. конгр.: Тез. сообщ.* М.: 126-127.
- Бардин А.В. 1983а. Территориальное поведение и миграции хохлатой синицы (*Parus c. cristatus* L.) // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **14**: 43-69.
- Бардин А.В. (1983б) 2007. Явление межвидовой совмещённости территорий у птиц // *Рус. орнитол. журн.* **16** (387): 1541-1542.
- Бардин А.В. 1986. Демография хохлатой синицы в Псковской области // *Орнитология* **21**: 13-23.
- Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 1961. Сезонное размещение синиц и поползня в Латвийской ССР и их зимняя подкормка // *Экология и миграции птиц Прибалтики*. Рига: 151-160.
- Вилкс К.А., Вилкс Е.К. (1964) 2001. Экспериментальные исследования территориального поведения синиц и поползней // *Рус. орнитол. журн.* **10** (157): 752-758.
- Гроте Г. 1916. Некоторые результаты кольцевания птиц в южной Финляндии // *Орнитол. вестн.* 4: 256-260.

- Носков Г.А. (1976) 2004. К вопросу об эволюции территориального поведения так называемых «оседлых» видов воробьиных птиц // *Рус. орнитол. журн.* **13** (254): 204-214.
- Носков Г.А., Смирнов О.П. 1981. Территориальное поведение и миграции большой синицы (*Parus m. major* L.) // *Экология птиц Приладожья*. Л.: 100-130.
- Правосудов В.В. 1985. Поиск и запасание корма сероголовой гаичкой и пухляком // *Зоол. журн.* **64**, 7: 1036-1043.
- Правосудов В.В. (1986) 2008. О связи оседлости с запасательным поведением птиц (на примере пухляка *Parus montanus* и сероголовой гаички *P. cinctus*) // *Рус. орнитол. журн.* **17** (447): 1612-1613.
- Правосудов В.В. 1987. Экология двух близких видов синиц Северо-Запада СССР // *Орнитология* **22**: 68-75.
- Промптов А.Н., Лукина Е.В. 1937. Изучение оседлости синиц (Paridae, Aves) методом кольцевания // *Зоол. журн.* **16**, 4: 688-698.
- Butts W.K. 1930-1931. A study of the Black-capped Chickadee and White-breasted Nuthatch by means of marked individuals // *Bird-Band.* **1**: 149-168; **2**: 1-26, 59-76.
- Dixon K.L. 1963. Some aspects of social organization in the Carolina Chickadee // *Proc. 13th Intern. Ornithol. Congr.* Ithaca: 240-258.
- Dixon K.L. 1965. Dominance-subordination relationships in Mountain Chickadees // *Condor* **67**, 4: 291-299.
- Ekman J. 1979. Coherence, composition and territories of winter social groups of the Willow Tit *Parus montanus* and the Crested Tit *Parus cristatus* // *Ornis scand.* **10**, 1: 56-68.
- Ekman J.B., Askenmo C.E.H. 1984. Social rank and habitat use in Willow Tit groups // *Anim. Behav.* **32**, 2: 508-514.
- Hogstad O. 1987. Social rank in winter flocks of Willow Tits *Parus montanus* // *Ibis* **129**, 1: 1-9.
- Morley A. 1942. Effects of bathing on the Marsh Tit // *Brit. Birds* **35**: 261-266.
- Morley A. 1953. Field observations on the biology of the Marsh Tit // *Brit. Birds* **46**: 233-238, 273-287, 332-346.
- Odum E.P. 1941-1942. Annual cycle of the Black-capped Chickadee // *Auk* **58**: 314-333, **59**: 499-531.
- Røv N. 1979. Local movements of Willow Tits *Parus montanus* in a coniferous forest area of Central Norway, with notes on seasonal migration // *Cinclus* **2**, 1: 40-48.
- Smith S.M. 1987. Responses of floaters to removal experiments on wintering chickadees // *Behav. Ecol. and Sociobiol.* **20**, 5: 363-367.
- Ulfstrand S. 1962. On the nonbreeding ecology and migratory movements of the Great Tit (*Parus major*) and the Blue Tit (*Parus caeruleus*) in Southern Sweden // *Vår Fågelvärld*. Suppl. 3: 1-146.
- Wallace G.J. 1941. Winter studies of color-banded chickadees // *Bird-Band.* **12**, 1: 49-67.
- Wing L. 1946. Species association in winter groups // *Auk* **63**, 4: 508-511.

Новое нахождение среднего поморника *Stercorarius pomarinus* в Узбекистане

М.Г.Митропольский, А.Г.Сорокин

Госбиоконтроль Госкомприроды Республики Узбекистан,
ул. Чоштепинская, 21-а, 100149, Ташкент, Узбекистан. E-mail: max_raptors@list.ru

Поступила в редакцию 11 декабря 2009

Средний поморник *Stercorarius pomarinus*, область гнездования которого охватывает северные побережья и острова северо-восточной части Евразии, Северной Америки и Гренландии, во время миграции придерживается нескольких пролётных путей. Незначительная часть птиц с северо-европейских и азиатских тундровых побережий летит через евразийский материк на юг. Этим объясняются встречи птиц на внутренних даже не крупных водоёмах Евразии (Флинт 1988). Самые южные и крайне редкие встречи этого вида отмечены на Аральском и Каспийском морях, внутренних водоёмах Узбекистана и в предгорьях Западного Тянь-Шаня.

Так, среднего поморника приводят Н.А.Зарудный (1916) с залива Большой Сары-Чеганак на Аральском море (27 апреля 1907), Е.П. Спангенберг и Г.А.Фейгин (1936) из окрестностей Аральска (7-8 июня 1928) и А.А.Щербина (1977), отметившая молодую самку на берегу Каспийского моря в Туркмении у Чикишляра 6 октября 1973.

Особо интересны две встречи одиночных средних поморников в предгорьях Западного Тянь-Шаня, вдали от воды, на перевале Чокпак 13 сентября 1967 и 1972 годов (Гаврилов, Гисцов 1985).

Следует указать на некоторые пропуски и неточности в очерке о среднем поморнике в монографии К.А.Юдина и А.В.Фирсовой (2002), касающиеся встреч этого вида в Средней Азии: во встрече Н.А.Зарудного неверно указана дата (14 июня вместо 27 апреля) (с. 74); пропущены встречи среднего поморника Е.П.Спангенбергом у Аральска и данные Р.Н.Мекленбурцева по Арнасаю.

Р.Н.Мекленбурцев (1990) сообщает о первой добыче среднего поморника в Узбекистане. Птицу добыли 15 ноября 1964 в Арнасайском охотничьем хозяйстве, занимающем залитую сбросовыми водами котловину, расположенную в Голодной степи в 150 км к западу от Ташкента (шкурка хранится в коллекции Национального университета Узбекистана). Это молодая птица тёмной морфы. Пол, к сожалению, не был определён (Мекленбурцев, Сударев 1966).

Вторая встреча среднего поморника в Узбекистане произошла 9 июня 2006 на водохранилище Актепе в Сурхандарьинской области

(Лановенко и др. 2007). Здесь была отмечена молодая птица, что вызывает сомнения в правильности определения вида. Эти же сомнения при личной встрече высказывали и авторы наблюдения.

Третий раз в Узбекистане средний поморник наблюдался нами 10 октября 2009 на озере Аяк-Агитма в Бухарской области (Южные Кызылкумы). Во второй половине дня на западном берегу озера встречена взрослая птица. С обширной открытой акватории поморник целенаправленно вылетел на высоте 50-60 м на нашу экспедиционную стоянку и, осмотрев её, продолжил полёт вдоль берега. Через 1.5 ч его увидели во второй раз пересекающим озеро в срединной части. В режиме патрульного полёта птица достигла удалённого от нас восточного берега и скрылась из виду.

Литература

- Гаврилов Э.И., Гисцов А.П. 1985. *Сезонные перелёты птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня*. Алма-Ата: 1-224.
- Зарудный Н.А. 1916. Птицы Аральского моря // *Изв. Туркестан. отд. РГО* 12, 1: 1-229.
- Лановенко Е.Н., Филатов А.К., Третьяков Г.П. 2007. Средний поморник *Stercorarius pomarinus* и мраморный чирок *Marmaronetta angustirostris* на юге Узбекистана // *Информ. бюл. проекта «Важнейшие орнитологические территории Узбекистана»*. Ташкент, 2: 14.
- Мекленбурцев Р.Н. 1990. Семейство Поморниковые Stercorariidae // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, 2: 126-127.
- Мекленбурцев Р.Н., Сударев О.Н. 1966. Несколько редких залётов птиц в область среднего течения Сырдарьи // *Позвоночные животные Средней Азии*. Ташкент: 133-136.
- Спангенберг Е.П., Фейгин Г.А. 1936. Птицы нижней Сыр-Дарьи и прилегающих районов // *Сб. тр. Зоомузея Моск. ун-та* 3: 41-184.
- Щербина А.А. 1977. О нахождении среднего поморника в Туркмении // *Орнитология* 13: 200.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 2002. *Ржанкообразные Charadriiformes. Ч. 1. Поморники семейства Stercorariidae и чайки подсемейства Larinae*. СПб.: 1-667 (Фауна России и сопредельных стран. Нов. сер. № 146. Птицы. Т. 2. Вып. 2).

Интересный случай с мохноногим сычом *Aegolius funereus*

Ж.В.Пшеничнер

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 2 декабря 2009

В ноябре 2005 года в Санкт-Петербурге в Вяземском переулке обнаружили молодого мохноногого сыча *Aegolius funereus*. Птица сидела на дереве на высоте около 2 м., окружённая стайей серых ворон *Corvus cornix*. Сычика сняли с дерева, при этом он не сопротивлялся. Птица не была ранена. Н.Савельева взяла её к себе в городскую квартиру.

Сычик жил без клетки, в комнате с открытой по ночам форточкой, задёрнутой занавеской. Кормили его сырой говядиной с добавлением минеральной смеси, содержащей крупнозернистый речной песок, ракушечник, кембрийскую глину, мел, активированный уголь, скорлупу кедрового ореха и костную муку. Сначала корм давали с пинцета, потом птица ела самостоятельно. На лето сыча вывозили на дачу, в посёлок Горьковское (Карельский перешеек). В конце августа птицу привозили в городскую квартиру. В таких условиях она прожила 2 года.

Ночью 27 августа 2007 сыч вылетел в открытую форточку и улетел. Спустя два года, 21 октября 2009, на дереве у городского дома, где жил сычик, снова увидели мохноногого сыча. Его, как и 4 года назад, атаковали вороны. Птицу поймали сачком. Она снова не оказала никакого сопротивления. В квартире этот сыч вёл себя точно так же, как и прежний до своего побега. Подтверждением того, что это, скорее всего, и есть та же самая особь, является характерная маленькая трещинка на надклювье, замеченная у птицы ещё в 2005 году.

